

Райнхард Зидер

**ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ?
РАЗРЫВЫ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В
ОСВОЕНИИ
«СОЦИАЛЬНОГО»**

*Reinhard Sieder. Was heisst Sozialgeschichte?
Brüche und Kontinuitäten in der Aneignung des «Sozialen». //
Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften,
1990, Jg. 1, H. 1, S. 25–48.
© Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften, 1990
Перевод д.и.н. М.М.Духанова*

В сущности, все еще сохраняется положение, которое в 1969 г. констатировал Ханс Розенберг: «Так называемая социальная история стала для многих расплывчатым собирательным понятием всего, что в исторической науке считается... нужным и прогрессивным» (Rosenberg, 1969, S.147). Социальная история вызвала в 1960–1980 гг. значительный интерес общественности. Конкурируя с другими направлениями исторической науки, она поставила важнейшие вопросы и предложила наиболее убедительное объяснение общественных изменений, без глубокого анализа которых не могут быть поняты ни Освенцим, ни «хозяйственное чудо». Сегодня социальная история вышла далеко за пределы тех анклавов – маленьких отделов, семинаров, институтов и кафедр, – которые некогда были отведены ей господствовавшей политико-этнографической историей. Все большее число историков, занятых в институтах и отделах по «всеобщей истории», «истории средних веков», «современной истории», «восточноевропейской» и «внеевропейской истории» и т.д., формулируют вопросы и выдвигают аргументы в духе «социальной истории».

Однако попытки определить предмет социальной истории и ее место в общих рамках исторических наук предпринимаются редко. Правда, сохраняющаяся нечеткость определения социальной истории имеет, по меньшей мере, то преимущество, что способствует распространению «социально-исторических взглядов» на такие дисциплины, которые относились, а частично и сегодня относятся к социальной истории, скорее всего, враждебно. Тем не менее в принципе долг социальной истории, как и любой другой науки, состоит в том, чтобы добиться максимально ясного представления о себе и в таком «проясненном виде» выходить во «внешний мир». Поэтому я свою задачу вижу в том, чтобы очертить предмет социальной истории и определить, чем она отличается от других исторических направлений.

Исходя из тезиса, что отдельные социальные и гуманитарные науки отличаются друг от друга в первую очередь не «предметами» изучения,

которые у них часто общие, а постановкой проблем и используемыми методами¹, я в последующем изложении попытаюсь ответить на вопрос, с помощью постановки каких проблем и какими методами конституируется социальная история.

Социальная история, история социального, то есть всего комплекса отношений между людьми, на протяжении своего сравнительно недолгого развития зависела и продолжает испытывать зависимость от социальной теории, выраженной явно либо лишь подразумеваемой, и связанных с ней методов исследования социальных отношений. Правда, в силу недостатка публикаций, предваряющих освещение данной проблемы, мне придется ограничиться наброском, который лишь немногими штрихами обрисует процесс развития предмета «социальная история» в немецкоязычном пространстве, в силовом поле идеолого-политических интересов историков, их познавательных инноваций и зачастую устойчивых научных традиций.

ПРИМАТ «ПОЛИТИЧЕСКОГО»

Социальная история стала мыслимой лишь со времени отказа от аристотелевской традиции рассмотрения «государства», «хозяйства» и «общества» как единого целого. Это разъединение стало последовательно осуществляться в политическом мышлении и в реальном историческом процессе с конца XVIII в. Социальная история возникла, таким образом, в условиях бюргерски-индустриального общества, его образа мышления и действий. На протяжении «долгого XIX века» сложилась и социология. Ее интересы первоначально не ограничивались современностью, а включали также исследования истории и развития общества. При этом социология, в отличие от исторических наук XIX в. (в том числе ранней социальной истории), притязала на разработку четких теорий общественного развития. Первые социологи (Спенсер, Конт, Морган и др.) начертали схемы эволюции и разработали социальные теории стадий (например, трех стадий развития общества – «дикости», «варварства», «цивилизации»), оказав влияние и на «социально-научно» ориентированное меньшинство социальных историков (например, на Карла Лампрехта). С другой стороны, дедукции ранней социологии, как эволюционистские, так и зачастую недостаточно обоснованные эмпирические, вызывали критику со стороны ученых-историков, которые считали недостижимой цель разработки обобщающей теории развития общества и государства. Базируясь на своем филологическом методе, они присягали на верность только идее «неповторимости» исторических явлений.

¹ В этом вопросе я следую Максиму Веберу: «В основе деления наук лежат не «фактические» связи *«вещей»*, а *«мысленные»* связи *проблем*: там, где с помощью нового метода исследуется новая проблема и тем самым обнаруживаются истины, открывающие новые точки зрения, возникает новая «наука» (Вебер, 1990, с.364).

Ведущие немецкоязычные историки XVIII в., и прежде всего принадлежащие к так называемой «Геттингенской школе»², предприняли попытку связать описание «социальных условий» с рассказом о «событиях», базируясь при этом на данных демографии и экономики о положении торговли и ремесла, росте населения, истории правового устройства и политической системы. Позднее, в течение XIX в., кругозор историков все более сужался и концентрировался на так называемых «событиях». При выборе источников предпочтение отдавалось письменным материалам государственного и коммунального управления, а также воспоминаниям должностных лиц об их административно-государственной и дипломатической деятельности. Проблема разграничения государства и общества в XIX в. вновь оказалась вне поля зрения большинства историков. Утвердился вариант исторического исследования и историографии, в котором обосновывалась положительная роль государства и власти. Свое «классическое» выражение он обрел в немецкой исторической школе.

Отношение исторической науки к государству, государственной политике и государственным деятелям способствовало возрождению старых политических взглядов на исторический мир. В последней трети XIX в. последователи Леопольда фон Ранке («неоранкеанцы») в большей степени, чем он сам, свели свою историографию к апологетике национального государства³. К тому же многие историки, скрупулезно применяя филологический метод, ограничивались публикацией архивных источников. Правда, развитие так называемой «критики источников» в противовес зачастую дерзким сравнениям и умозрительному обоснованию идеи непрерывности истории, исходившим от эволюционно-теоретической социологии, усиливало эмпирическое начало в исследованиях, но чаще всего все сводилось к бесплодной обработке источников в духе позитивизма. Политический редукционизм и сужение сферы исследования истории до издания «источников», конечно, препятствовали диалогу с социологами, ориентированными на теорию. Поэтому за исключением немногих выдающихся основателей собственных научных направлений, таких как Макс Вебер и Отто Хинтце⁴, историки и социологи проявляли в отношении друг друга глубокое непонимание, а нередко и враждебность.

Однако с наступлением «кризиса историзма» (Heussi, 1932) часть историков осознала, что их наука не в состоянии адекватно отобразить

² К Геттингенской исторической школе XVIII в. принадлежат Готтфрид Ахенвалл, Иоханн Христоф Гаттерер и Август Людвиг Шлойер (см. Asendorf, 1974). Обзорная работа по этой проблеме принадлежит Георгу Иггерсу (Iggers, 1976).

³ Среди «неоранкеанцев» Вольфганг Моммзен выделяет прежде всего Макса Ленца и Эриха Маркса, которые на рубеже XIX–XX вв. свели исторические взгляды Ранке к апологии прусского государства, а национальное государство объявили доминирующей исторической силой. Абсолютизация позиций, основы которых заложены Ранке, породила принцип «примата внешней политики», который до сих пор еще отстаивается «неоранкеанцами» (Андреас Хиллгрубер, Клаус Хилдебранд и др.), «примат внешней политики». См. отчет о конференции, посвященной развитию идей Ранке (Leopold von Ranke: One Hundred Years On... 1987, особенно S.144).

⁴ См. прежде всего статью Хинтце, изданную в момент кульминации «спора о методах» (Hintze, 1897, S.60).

и оценить происшедшие с середины XIX в. процессы, связанные с индустриализацией и урбанизацией (Huizinga, 1941, S.107). Вопрос о хозяйственных изменениях приобрел в процессе интенсивной индустриализации западно- и центральноевропейских стран огромное значение. Между тем, так называемая «хозяйственная история» сосредоточилась вначале на исследовании средневекового города, ремесла и торговли. При этом она ощущала вызов со стороны обеих исторических школ национальной экономики, которые возникли с 60-х годов прошлого века при государствоведческих факультетах. Исторические школы национальной экономики старались выделить типичные для эпохи капитализма стадии развития производства, распределения и потребления⁵. Напротив, историки хозяйства и медиеведы «гуманитарного направления» Георг фон Белов⁶ и Альфонс Допш⁷ видели свою задачу в том, чтобы, опираясь на факты, опровергать подобные теории стадийного развития и положения о закономерности исторического процесса. Они отстаивали кредо историзма, утверждающего индивидуальность исторических явлений.

Индустриализация произвела переворот, охвативший не только хозяйство, но и всю совместную жизнь людей, включая определяющие ее нормы, и даже взгляды людей на самих себя и на мир. В этих условиях отдельные историки снова возвратились к представлению об «универсальной истории», то есть к тому, что в XVIII в. уже отстаивала «Геттингенская школа». Они обратили внимание на культурные, социальные и хозяйственные условия жизни, на происшедшие в них перемены и начертали комплексный «культурно-исторический» дизайн развития «культур» (Gothein, 1924[1886]), «духа» и «менталитета» (Breysig, 1926; 1931), «религии» и «искусства» (Burckhardt, 1922; 1929). Якоб Буркхардт, Эберхард Готхайн, Курт Брайзиг, Карл Лампрехт и другие считали себя «историками культуры» и стремились «аналитически» описать «общественную жизнь» и «развитие социальных сил» в «культурной жизни в целом» (в религии, литературе, искусстве, хозяйстве, праве и государстве)⁸. Выработанное ими понятие «истории культуры» можно, следовательно, считать примерно равнозначным возникшему или возникавшему в тот же период в Англии понятию «история цивилизаций» (Бокль). Критикуя взгляды приверженцев доминировавшей тогда истории политики, историки культуры подчеркивали ограниченность тематики политических событий, которая охватывает лишь узкий срез поверхности общественных процессов. Поскольку же новая история культуры большей частью имела дело с «массовыми явлениями» (Готхайн), она вскоре неотвратимо натолкнулась на проблемы типообразо-

⁵ Густав Шмоллер сконструировал стадии домашнего, городского, территориального и народного хозяйства как «форм хозяйственного устройства» (Schmoller, 1923).

⁶ Опираясь на Дильтея, Белов выступал против предпринятых Шмоллером в опоре на Конта, Стюарта Милля и Бокля «современных попыток отгадать загадку исторического мира путем использования естественнонаучных принципов и методов» (von Below, 1904).

⁷ См. прежде всего: Dopsch, 1968[1928].

⁸ Их программные высказывания см. в: Gothein, 1889, 1923; Lamprecht, 1896, 1900, 1905, 1916.

вания⁹, в результате чего вступила в конфликт с догмой историзма о неповторимости всех исторических явлений.

Полемика о том, являются ли выводы исторической науки по своему характеру «идиографически-герменевтическими» или «номотетически-социально-научными», и должна ли соответственно историческая наука применять сингулярно-описательные или обобщающе-объясняющие методы, нашла выражение в так называемом «споре о методах» между Карлом Лампрехтом и Георгом фон Беловом (см.: Schorn-Schutte, 1984). Речь шла о том, удастся ли немецкой исторической школе сохранить традиционный идиографический подход в борьбе против историков культуры и исторической школы национальной экономики, притязавших на создание по образцу естественных наук «точной», «номотетической» исторической науки, способной формулировать «законы». Исходом этого спора стал остающийся в силе и в настоящее время отказ от притязаний на номотетическую историческую науку. Более того, «заблуждением» было объявлено также распространение научно-исторической парадигмы на социальное и культурное измерения общества. Социальная история, сумевшая в 1880–1890 гг., как минимум, сформулировать многие проблемы, оказавшиеся впоследствии в центре ее внимания, была в итоге в последующие десятилетия оттеснена на обочину, с которой ей удалось выбраться лишь в 1960-е годы.

ДОЛГИЙ ПУТЬ К «СОЦИАЛЬНОМУ»

В условиях двойной конфронтации, когда друг другу противостояли социология и историческая наука, а также политико-экономическая и социальная истории, развитие последней в первой половине XX в. могло протекать только в «стесненных» условиях (Conze, 1952, S.652). Хотя в 20-е – 30-е годы социальная история и утвердилась в большинстве немецкоязычных университетов как университетская дисциплина, по статусу она была лишь придатком к истории хозяйства.

Темы социальная история черпала частично в ранней истории культуры, частично в постепенно трансформированных проблемах истории государственного строя, города и ремесла. В целом, однако, до 50-х – 60-х годов сохранялось преобладание политико-дипломатической истории. «История героев, государства и войн»¹⁰ пользовалась преимущественным спросом и со стороны национал-социалистской власти. Разумеется, нельзя не сказать и о том, что «дойчнационале» и национал-социалисты поставили себе на службу также хозяйственную и социальную историю (Groh, 1971, S.300). Так, например, для оправдания немецких притязаний на господство ими были использованы некоторые работы венских историков хозяйства и культуры – Альфонса Допша и Отто Бруннера, – написанные под углом зрения «политической

⁹ «История культуры, – писал Готхайн, – имеет дело большей частью с массовыми явлениями. Эта однородность ведет к тому, что если исследован один тип, результат относится ко всем подобным случаям» (Gothein, 1889, S.5).

¹⁰ Так писал Отто Хинтце в письме Адольфу Гассеру 23 февраля 1939 г. Цит. по: Östreich, 1969, S.383.

народной истории» (выражение Бруннера)¹¹. Все это сильно затрудняло формирование научной концепции социальной истории, которой приходилось пробивать себе путь в жестокой борьбе против конкурирующих точек зрения и даже ненаучных идейно-политических интерпретаций. Становление «социально-исторического взгляда» и выработка ясного понимания сути социальной истории происходили в ходе ее постепенного освобождения от традиций и концепций истории культуры, государственного строя и хозяйства страны (Ehmer und Muller, 1989, S.113). На различных этапах этот процесс протекал с разной степенью последовательности.

Когда в 1893 г. молодые ученые Лудо Мориц Хартманн, Эмиль Шанто, Штефан Бауэр и Карл Грюнберг¹², будучи в оппозиции к господствовавшему в науке цеху, начали издавать в Вене первый в немецкоязычном пространстве журнал «Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte» (ZSWG), они в предисловии к первому номеру лишь невнятно обозначили, что журнал «создается для удовлетворения общей потребности представителей истории и социальной науки... в выяснении экономических причин тех изменений, которые происходят в истории» (ZSWG, Bd.1, 1893, Н.1). Очевидно, что «социальное» воспринималось ими исключительно как следствие «экономических факторов», что объясняется, пожалуй, тем, что Грюнберг и Хартманн усвоили марксистскую теорию общества в ее «австро-марксистском» варианте. Ни в одном из опубликованных номеров журнала термин «социальная история», значившийся в названии издания, так и не был разъяснен. Этот журнал по социальной и хозяйственной истории (кстати, первый и в международном масштабе) после десяти лет выхода в свет, в 1903 г., потерпел крах из-за «боязливости издателя» (Mooser, 1990, S.87). Когда в том же 1903 г. он продолжил свое существование уже в другом издательстве и с новым ответственным редактором¹³ под названием «Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte» (VSWG) (Zorn, 1985), в его программной декларации указывалось, что журнал посвящается «скрупулезному исследованию экономического положения и развития всех времен и народов» (VSWG, Bd.1, 1903, Н.1), что означало отказ от доминирующей концепции национальной истории. И в этом случае «социальное» понималось как функция хозяйственного («эконо-

¹¹ См.: Dopsch, 1899, 1926, S.27ff; Brunner, 1932, S.40–46. Определение «истории народа», данное Бруннером, см. (Brunner, 1942, S.185). Критическую оценку работ Бруннера см. в: Jutte, 1984; Ehmer und Muller, 1989.

¹² Грюнберг с 1899 г. был внештатным профессором по политической экономии, а с 1912 г. – штатным профессором по истории хозяйства на юридическо-государствоведческом факультете Венского университета, считал себя марксистом и занимался прежде всего аграрной историей. В 1924 г. перешел работать во Франкфурт, где руководил Институтом социальных исследований.

¹³ Из числа основателей ZSWG в возрожденном журнале остались венский медиевист Лудо Моритц Хартманн и Штефан Бауэр. К ним присоединился протестантски-консервативный медиевист и историк хозяйства Георг фон Белов, убежденный враг социологии и противник Карла Лампрехта; см. высказывание Белова о социологе как о «ветреном парне» и о социологии как об учреждении, в котором «даются напрокат маски слов» (von Below, 1893, 1916).

мического положения») и/или как функция политического строя общества.

Так называемая хозяйственная история до начала 1960-х годов оставалась преимущественно «хозяйственной историей права», исследуя прежде всего правовые условия производства, торговли и государственных мер в области хозяйства, но не саму хозяйственную жизнь (Dopsch, 1968[1928]; von Below, 1926). Социальная история в той мере, в какой не была связана с историей культуры, оставалась и в 50-х годах фактически историей государственного строя¹⁴. Ее внимание привлекали прежде всего проблемы внешней и внутренней структуры таких социополитических и хозяйственных явлений, как сеньория, средневековый город или цеховое ремесло. То обстоятельство, что большинство историков хозяйства и общества первой половины XX в. обратилось в своих исследованиях к средним векам и раннему новому времени, используя специфические правовые источники, которые им достались от прежних времен, а также выявленные ими новые массовые источники (описи феодальных земельных владений, хозяйственные счета и т.п.) (Dopsch, 1968 [1928]), способствовало перенесению понятия «структура» в сферу социального; в обиход вошли «социальная структура», «внутренняя структура» и другие подобные понятия¹⁵. Тем самым на первый план выдвинулись правовые и хозяйственные условия деятельности. Сами же действующие лица и их взаимоотношения, то есть социальные явления в узком смысле слова, оставались недостаточно освещенными.

Только в 50-х годах был сделан следующий шаг в продвижении к социальному. Примечательно, что это произошло в результате политизации социального. Ретроспективный взгляд на первую мировую войну, хозяйственные и социальные проблемы межвоенного периода, экономический кризис начала 1930-х годов и не в последнюю очередь на основанное на массовой базе господство национал-социализма вынудил включить социальное в комплекс объяснения политического и vice versa. Историческая наука нуждалась в этом для сохранения в обществе своего права на объяснение и просвещение. Социальный историк Вернер Конце поставил в 1952 г. следующий диагноз: «Сегодня речь идет о том, чтобы поднять значение социальной истории до уровня политической и вывести ее из изоляции. Социальная история не менее политична, чем была с давних пор история событий в области государственной политики. При рассмотрении социальных явлений история столь же политична, как и при исследовании государственного устройства или процессов хода и исхода событий» (Conze, 1952, S.653).

Очевидным стало теперь и то, что понятия, концепции и методы историзма непригодны для изучения постоянно меняющихся социальных объектов. В начале 50-х годов казалось, что с введением нового понятия «структура» найден подход к определению социального содержания

¹⁴ См. программный доклад Отто Бруннера, сделанный в 1948 г. (Brunner, 1948).

¹⁵ См. типичные заголовки работ Допша и Бруннера (например, Dopsch, 1892, 1904–1920; Brunner, 1958). В 1978 г. указанная работа Бруннера вышла с подзаголовком «Социальная история Европы в средние века» (Brunner, 1978).

ния истории¹⁶. Влиятельные социальные историки, как, например, приглашенный из Вены в Гамбург Отто Бруннер и гейдельбергский историк Вернер Конце, считали даже возможным заменить наименование дисциплины «социальная история» новым – «история структур».

Термины «структура» и «история структур» были заимствованы немецкоязычной исторической наукой из трудов французского историка Фернана Броделя, который в конце 40-х годов сформулировал понятие «*histoire des structures*» (история структур – *Прим. ред.*) (Braudel, 1949). Отто Бруннер считал нужным использовать понятие «структура» вместо употреблявшегося им ранее понятия «внутренний порядок», оказавшегося в конце 40-х годов идеологически скомпрометированным в силу его конъюнктурного употребления в «третьем рейхе». В дальнейшем Бруннер стал понимать под структурой «внутреннее строение» общества и «человеческих союзов» (Brunner, 1948). Вернер Конце перенял это понятие у Бруннера и способствовал его быстрому распространению в немецкоязычной социальной истории. В 1952 г. Конце поставил задачу «социологически обосновать нашу картину истории» и одновременно покончить с присущим части социальных историков «эмоциональным предубеждением против политической истории», так как в противном случае «социальная история окажется перед опасностью утраты специфически исторического (sic!)» (Conze, 1952, S.648). По существу, понятие «структура» заменило предшествовавшие ему термины «состояние», «социальное устройство», «внутренний порядок» и другие родовые термины. Как полагал Вернер Конце, социальная история имела общий взгляд на структуры и с историей государственного строя, и с историей хозяйства. «Общество, – писал он, – следует всегда рассматривать как определенную структуру. Поскольку же ни одно общество не мыслимо без власти, а власть определяется существующим строем, социальная история и история государственного строя должны тесно сблизиться и «даже стать неразрывным целым». Рассмотрение их в отрыве друг от друга ведет к неадекватному отображению исторической действительности. Наоборот, подход к ним как к единому целому не только предотвращает возможность такой неадекватности, но и приводит к стиранию противоречий между социальной историей и так называемой «политической историей». Конце позаимствовал у Отто Бруннера и определение социальной истории как «изображения внутренней структуры исторической картины» (Conze, 1952, S.655), осовременив, однако, его смысл.

Развивая эти соображения, Конце предложил отказаться от системы периодизации истории, основанной на событиях. Он ссылаясь при этом на точку зрения Броделя, полагавшего, что «*histoire des evenements* (история событий – *Прим. ред.*) не может привести исследователя к удовлетворительным результатам без изучения *geohistoire* и *histoire des structures* (геоистории и истории структур – *Прим. ред.*)» (Conze, 1957, S.16ff). По мысли Конце, «опорную структурно-историческую» основу событий образуют хозяйственные, социальные и культурные факторы. Однако ни Конце, ни Бродель не предприняли попыток более подробно истолковать или разъяснить, как соотносятся эти факторы друг с другом и каково их отношение к событиям (evenments).

¹⁶ См. программную статью Вернера Конце (Conze, 1957).

Термины «структура» и «структурный» употребляются с тех пор чаще всего для обозначения тесно взаимосвязанных факторов, которые образуют условия для действий как политически могущественных, так и лишенных влияния людей. Столь неопределенно выраженное понимание «структуры» как «опорной основы» событий, происшедших в результате действий людей, привело к отождествлению «структур» с «объективными обстоятельствами». А это, в свою очередь, означало признание большей или меньшей зависимости действующих субъектов от «структур» и противопоставление «субъективности» «объективным» структурам.

Конце считал, что структуры обусловлены политически и подвержены изменениям. Отсюда следовал вывод о необходимости «преодолеть» размежевание «политической» и «духовной» истории с историей хозяйственной и социальной. Социальная история, понимаемая как история политически обусловленных «социальных структур», не может, по мысли Конце, быть понятийно оторвана от «политической истории», «просто в ней на первый план выступают не *res gestae*, а структуры в своей непрерывности и изменении» (Conze, 1956, S.18; 1952, S.648).

Одновременно Конце настаивал на том, чтобы историография охватывала все «в целом» и не делила исторический мир на секторы, изучаемые специальными науками (Conze, 1957, S.21). Социальная история, утверждал он, является «историей общества, точнее социальных структур, процессов и движений», она «связана и с исторической наукой, и с социологией» (Conze, 1962; 1966). Как и Отто Бруннер, Конце настаивал на постулате историзма, гласящем, что история должна формировать свои понятия, опираясь на источники. По-видимому, он не сознавал, что этот постулат противоречит другому, выдвинутому им же положению (кстати, оспаривающему Бруннера) о настоятельной необходимости тесных контактов исторической науки с «систематизирующими смежными науками», особенно с политическими, социальными и хозяйственными. «Структурная история, – писал Конце, – должна усвоить и переосмыслить» их методы, понятия (*sic!*) и содержание достигнутых ими результатов, сочетая их с собственными методами и понятиями. Границы между дисциплинами непостоянны. Время одинокого историка прошло. Наступило время коллективных действий, потому что компоненты «структурного» (хозяйство, политика, культура, социальное и т.д.) могут быть изучены только при разделении труда. Кроме того, «структурная история» заставляет проводить региональные исследования, и, чтобы составить «общую картину типичного и выходящего за его рамки» (Conze, 1957, S.22ff), приходится синтезировать результаты региональных исследований.

Таким образом, в начале 60-х годов в целом были сформулированы основные научно-теоретические позиции, с которых в 60-е и 70-е годы выступало большинство социальных историков немецкоязычного пространства: деление исторического «пополам» – на структуры, определяющие общие тенденции действий, с одной стороны, и политическую, культурную и социальную деятельность субъектов – с другой; амбивалентное отношение социальной истории к систематизирующим социальным наукам и признание необходимости осмысления итогов региональных и проблемно-специфических исследований на уровне социально-исторического синтеза.

Правда, большинство социальных историков отклонило предложение Конце переименовать «социальную историю» в «историю структур». Ханс-Ульрих Велер и Юрген Кокка решительно утверждали, что «история структур», в силу повсеместной распространенности структур и «неопределенности понятия», не должна отождествляться с социальной историей (Коска, 1977, S.77ff; Groh, 1971). Что же касается выдвигавшегося Конце требования целостности исторической науки, то оно не было реализовано и развитие дисциплины вообще пошло совсем другим путем. Как в Западной и Центральной Европе, так и в Соединенных Штатах произошло жесткое разграничение хозяйственной, социальной и политической истории. Да и сама социальная история все дальше уходила от социально-исторического синтеза, который обычно обозначают как «историю общества». Это объясняется ускоренной специализацией проблематики и применяемых методов, что обусловило ориентацию на специальные исследования отдельных регионов и аспектов общественного развития. В итоге социальная история в немецкоязычном пространстве в 60-е – 70-е годы концептуально получила двойное толкование: под «социальной историей» стали понимать (и понимают) как «одну из дисциплин исторической науки», так и «историю общества или всеобщую историю под социально-историческим углом зрения» (Ritter, 1989, S.19)¹⁷.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА

В поисках определения социальной истории как специальной исторической дисциплины сегодня чаще всего ссылаются на Юргена Кокку. Социальная история «в более узком смысле» занимается, по его словам, «историей социальных общностей (сословий, классов, групп и т.д.); их положением и составом, опытом, позициями, поведением; такими институтами, как семья, производство, партии, союзы; социальными отношениями – родством, условиями труда, коммуникативными отношениями, социальными альянсами и конфликтами; процессами урбанизации, индустриализации и рационализации, социальными движениями, различными аспектами социального неравенства и мобильности, а также социальными предпосылками и последствиями политических, культурных и экономических явлений и их многообразными связями с хозяйственной, политической и культурной историей» (Коска, 1989, S.2-3).

Недостаток этой и других подобных дефиниций в том, что они, исходя из многообразия проблем, которые в настоящее время исследуются и описываются под этикеткой «социальная история», хотят ответить на вопрос, чем является социальная история в научно-теоретическом плане и как ее можно отделить от других «дисциплин». Но, как уже отмечалось, не связи *«вещей»*, а *«мысленные»* связи *проблем* составляют основу деления наук (Вебер, 1990, с.364). «Социально-историческими» являются не сами объекты (семья, производство, объединение, партия и т.д.). Многие из них изучаются и другими науками. Науку консти-

¹⁷ Почти так же звучит эта мысль в «Социальной истории» Кокки (Коска, 1977, S.82ff).

туируют специфический взгляд на предмет, формулировка проблемы, методы ее исследования и достигнутые результаты. С другой стороны, содержащиеся в указанном определении развернутое перечисление важнейших направлений исследования социальной истории позволяет сразу констатировать, что эта дисциплина со времени расширения ее тематики в 60-х годах занимается столь многими и разными сферами и аспектами социального, что возникла потребность в дифференциации концепций и теорий исследования, понятий и методов, которые избираются в каждом конкретном случае с учетом их пригодности для разработки изучаемой проблемы.

С 70-х годов понятия «критическая наука» и «историческая социальная наука» ассоциируются с теми научными представлениями, которыми руководствуется группа историков, объединившихся вокруг журнала «Geschichte und Gesellschaft», основанного в 1975 г. Определить четкие грани этого направления нелегко. Тем не менее наиболее типичной для него является программа, сформулированная Хансом-Ульрихом Велером. Он предложил преобразовать историческую науку в историческую социальную науку, используя точные теории социологии, политологии и экономики (Wehler, 1973). Ориентируясь на веберианскую социологию, такая историческая социальная наука призвана реконструировать структуры в хозяйстве, обществе, политике, а также социальное положение групп, слоев и классов и происходящие в них процессуальные изменения и дать теоретически аргументированное обоснование результатов проделанной работы (вместо того, чтобы только рассказывать) (Кокка, 1984).

Юрген Кокка первым попытался применить концепцию «социальной структуры» в историографии в книге «Классовое общество в войне 1914–1918» (Кокка, 1978). Ханс-Ульрих Велер выступил за применение научной теории модернизации (Wehler, 1975). Согласно позиции самих представителей исторической социальной науки, ее центральной и всеохватывающей задачей может считаться «реконструкция и объединение государственной политики (sic!) в связи с социально-экономическими структурами и конъюнктурами, а также специфическими интересами различных групп» (Mooser, 1990).

Если спросить, в чем же отличие этих взглядов от предшествующих концепций социальной истории, придется прежде всего констатировать решительный отказ от провозглашенного историзмом постулата «близости источника» и ставшее более твердым признание в приверженности формированию социально-научных понятий. Велер, Кокка и другие авторы этого направления допускают, что действия людей определяются «надъиндивидуальными» структурами, коллективным положением групп, слоев и классов. Отсюда и приоритет структур в социально-научном анализе над единичными явлениями. Значение такой исторической науки для культуры состоит в ее вкладе в «самопросвещение современного общества» (М.Вебер) и в создании нового политико-морального самопонимания немцев после Освенцима (историческая наука в качестве «политической педагогики»).

«Историческая социальная наука», но и не только она, сделала центральной темой немецкоязычной социальной истории индустриализацию, трактуемую как развернутый хозяйственный и социальный «про-

цесс структурных изменений» (Коска, 1977). Этим она отличается как от ранней истории культуры и истории хозяйства, так и от французской социальной истории, особенно «Анналов», для которых тематическим центром тяжести все еще остается доиндустриальное общество¹⁸. История XIX и XX вв. рассматривается немецкими авторами как «предыстория современности», то есть свое «общественное значение» «историческая социальная наука» видит в способности объяснять настоящее как продолжение прошлого (Коска, 1966, S.90).

Тематический спектр работ, которые более или менее определенно можно отнести к «исторической социальной науке», заметно обогатился в 70-е – 80-е годы. Одновременно выросло число профессорских ставок и исследовательских проектов по социальной истории, укрупнились соответствующие кафедры в немецкоязычных университетах. Развертывание исследований по исторической демографии (в качестве обзора см. Imhof, 1977), истории семьи (Mitterauer und Sieder, 1982; Sieder, 1987), женщин и пола (Hausen, 1983; Bock, 1988), города и урбанизации (Reulecke, 1983), социальной мобильности (Коска, 1975, Н.1), социальной истории рабочих (Mooser, 1984), а с недавнего времени и социальной истории бюргерства (Коска, 1984), привело к возникновению новых «ведущих направлений» социальной истории. Одновременно расширялись традиционные области тематики исторических наук в их «социальном» и «хозяйственном» измерении.

В 80-х годах историки немецкоязычного пространства уже достигли принципиального согласия в том, что «политические процессы» нельзя постичь, если ограничить их изучение «только сферой государственных органов и государственных деятелей, и что необходимо одновременно выявить социальные и экономические движущие силы и условия, которые ограничивают или стимулируют политические действия и даже вызывают их» (Mommssen, 1981, S.166).

По мере отмеченного расширения тематики и проникновения социально-исторической проблематики в политическую историю острее становилась и «потребность в теории». Одновременно усиливался и плюрализм методов. Тематика индустриализации была для последователей Макса Вебера предпосылкой применения теорий конъюнктурных циклов, «модернизации» и «рационализации» и тем самым возрождала традиции почтительного отношения к теории, основы которого были заложены экономико-исторической школой (см. выше). Включение в тематику изучения «условий жизни» и «условий труда» предполагало обращение к теориям производства и воспроизводства, основы которых сформулированы в ранних статьях Маркса (Маркс, 1956 [1845/1846]). Естественно, постановка таких вопросов потребовала развития новых методов социально-исторических исследований, а

¹⁸ Дитер Гро предполагает, что это в основном связано со статическим пониманием структур, принятым в школе «Анналов», которое более пригодно для доиндустриальных обществ, но едва ли применимо к таким процессам, как индустриализация. Специфический способ применения понятий «структура», «конъюнктура», «количественная история» и т.д. в «Анналах», по мысли Гро, обусловил развитие метафизики истории, которая представляет собой «новый объективизм» (Groh, 1971, S.303).

именно: просопографической исследовательской техники¹⁹, разных форм интервью-воспоминаний²⁰, статистического корреляционного анализа и др.

В свете вышесказанного становится очевидной потребность в постановке проблемы ставшей характерной для социальной истории с 1950-х годов, о делении социального «пополам» – на «социальные структуры» и историко-политические сюжеты (деятельность людей). Именно в этой связи возникла проблема взаимовлияния «структур» и «субъектов», обоснованная еще в работах тех представителей социальной истории, которые использовали в своих исследованиях элементы историзма: Отто Бруннера (Brunner, 1956), Вернера Конце (Conze, 1957), в какой-то степени Теодора Шидера (см. особенно: Schieder, 1968 [1965]), а затем и представителей «критической исторической науки» – Юргена Кокки, Ханса-Ульриха Велера (Wehler, 1973), Герхарда А. Риттера (Ritter, 1989)²¹, Вольфганга Моммзена (Mommsen, 1987) и других.

«КРИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ»

При ближайшем рассмотрении многочисленных формулировок об отношении структур к единичным явлениям и действиям выясняется, что это отношение все еще мыслится в виде противопоставления объективного и субъективного. Представители «исторической социальной науки» рассчитывают преодолеть это противоречие посредством сочетания аналитических и систематизирующих методов, пригодных для анализа объективных условий и обстоятельств, с герменевтическими методами, используемыми для изучения деятельности и опыта субъектов. Критики «исторической социальной науки» (преимущественно более молодые) достаточно обоснованно указывают на недостатки такого способа преодоления противопоставления структур и действий как чисто методического. В целом за это время выявились два направления критики, приведшие, на мой взгляд, к наиболее существенным инновационным сдвигам: феминистское и культурантропологическое.

Феминистская критика отмечает запущенное состояние с изучением проблем пола (Bock, 1988; Davis, 1986), требует дополнить традиционно разрабатываемую мужчинами историю о мужчинах историей женщин о женщинах («история женщин»), показать предубежденность «мужского взгляда» в историографии («женская история») и, наконец,

¹⁹ Анализ признаков отдельных лиц или групп на основе письменных источников – автобиографий, писем, протоколов допросов и т.п. (*Прим. ред.*)

²⁰ Интервью-воспоминания нередко, из-за ошибочного приложения к ним понятия «oral history» (устная история), рассматриваются в качестве новой субдисциплины социальной и современной истории. В действительности такие интервью являются лишь техникой (методом) исследования (см.: Sieder, 1984).

²¹ Риттер сформулировал эту проблему, как «проблему посредничества между социальными структурами и процессами, с одной стороны, и опытом, менталитетом, действиями коллективных групп и отдельных индивидов – с другой...»

осознать важность исследования отношений между мужчинами и женщинами во всех сферах исторической жизни («история полов»). Их программа предполагает создание такой истории, «где женщины и мужчины занимают равное место» (Wock, 1988, S.367). Не в последнюю очередь феминистская критика касается и социально-теоретической слабости исторической социальной науки, а именно ее структурно-функционалистского понимания «структуры» и «субъекта». Если исходить из того, что действия субъекта обусловлены структурами, то ставка делается преимущественно на методы, пригодные для системного анализа макроструктур (см. выше). В результате – конфликты, проходящие не по классовой линии (например, между капиталом и трудом), а внутри социальных классов, а именно они в значительной мере проявляются в отношениях между женщинами и мужчинами, остаются незамеченными в тени «больших структур» и «больших перемен» (индустриализация, урбанизация и т.д.). Это особенно относится к сферам повседневной защиты или нарушения интересов мужчин и женщин, а также к их опыту в тех областях деятельности, где они и их дети проявляют себя изо дня в день.

Отсутствие всеохватывающей исторической реконструкции «практической жизни» (К.Маркс) или, выражаясь абстрактнее, «исторической практики» является наиболее ощутимым пробелом как истории женщин, так и истории обоих полов. Ханс Медик, Альф Людтке, Вольфганг Кашуба, Карола Липп и многие другие, преимущественно молодые представители социальной истории и культурологии полемизируют с концепциями культурного (kulturell), которые разрабатываются в англо-американской и французской этнологии и культурантропологии (Medick, 1984; Ludtke, 1989). Они требуют преодолеть тенденцию мышления, расщепляющую историю на «структуры», с одной стороны, и субъекты – с другой. Основной проблемой социальной истории они считают изучение двойной конституции исторических процессов, которое осуществляется путем последовательного перехода «от одновременно существующих и возникающих предпосылок комплексных взаимоотношений между несущими конструкциями структур и практикой субъектов к условиям жизни, производства и власти, и завершается анализом опыта и образа действий людей». Лишь разработав эти вопросы, считает геттингенский историк Ханс Медик, можно было бы писать историю общества как социальную историю, показывая и расшифровывая динамику исторической практики не в урезанной форме истории общества, сведенной к сложению разнородных явлений или комбинации статистических показателей, факторов и отдельных элементов исторического процесса (Medick, 1984).

Согласие с изложенной концепцией социального как исторической практики влечет за собой, естественно, изменение взглядов на тематику и методы. С точки зрения тематики речь идет о включении в исторический сценарий различных аспектов «повседневной деятельности». При этом термин «повседневность» обозначается та сфера, где действия и опыт, структура и практика находятся в состоянии постоянного взаимовлияния. Поэтому изучение истории «повседневности» отнюдь не означает, вопреки распространенному заблуждению, ни простого коллекционирования «повседневных» сюжетов и процессов, ни непо-

средственной и конкретной реконструкции того, что «действительно делали» крестьянин XVIII в. или служака в 20-х годах XX в. Такой подход явился бы не более чем «демократизированным» вариантом немецкого историзма, историзма снизу. Понятие «повседневность» выражает скорее сумму процессов, протекающих во всех общественных сферах и во всех социальных классах (!), – господства и подчинения, аккумуляции и сохранения материальных, социальных и иных благ, борьбы за влияние в идеологии, в сферах производства товаров и услуг, восстановления рабочей силы и т.д. При этом важным моментом изучения указанных процессов является анализ их взаимной обусловленности. Именно в результате анализа сферы «повседневности» конструируется двойное видение социальной действительности: с одной стороны, как детерминации жизнедеятельности мужчин и женщин теми условиями и обстоятельствами, которые они застают, а с другой – как влияние исторической практики людей на формирование структур.

Реализация программы, претендующей на столь многое, на практике не всегда удается. Однако можно сказать, что импульсы культурантропологии способствовали более отчетливому видению познавательно-теоретических последствий деления социального «пополам» – на «структуры» и «субъекты». Дискуссия культурантропологии со сторонниками специфической герменевтики прояснила тот факт, что герменевтика историзма, которая строится на основательном знании историком своего предмета, непригодна для решения проблем, встающих перед современной историей. Место метода «чувствующего понимания», исходящего из того, что историк действует в сфере близкой ему культуры, занял метод реконструкции чуждого или, говоря иначе, принцип недоверия к тому, что кажется «близким» и «знакомым». Вместо идеалистической герменевтики в действие социально-научная герменевтика, систематически осуществляющая реконструкцию значений (Gerbel und Sieder, 1988).

Появление «истории женщин», «истории отношений между полами» и «истории повседневности» в качестве отраслей исторического знания привнесло в анализ социальных аспектов истории большую долю эмпиризма, результатом чего неизбежно явилось дробление исследования исторического целого на отдельные части. Эмпирические исследования, осуществляемые в рамках такой программы, нацелены не на охват «целых обществ», а на меньшие единицы, изучение которых позволяет достичь требуемой эмпирической точности и дать комплексное объяснение. Эти исследования производят «микроанализ» отдельно взятой деревни (Sabeau, 1985), города, производства или рассматривают историю жизни отдельных людей, чтобы на их примере, словно под лупой, отобразить взаимосвязь общественных условий и субъективной социальной практики (Ginzburg, 1979; Ginzburg und Poni, 1985). При этом возникает не последний по важности вопрос: каков теоретический язык такой социальной истории? Альфред Людтке указал недавно, что тот язык теории, который сформировался на высоком уровне абстракций для анализа структур и систем, непригоден для новой социально-исторической постановки проблем и поэтому сначала необходимо найти «новый синтаксис, более подходящий для соответствующих теоретических обобщений» (Ludtke, 1989, S.22).

ПЕРСПЕКТИВЫ

В целом очевидно, что в немецкоязычной социальной истории за последние годы чрезвычайно усилилось разнообразие направлений и позиций. Каждому ученому в отдельности стало совершенно не под силу обозреть полностью «социальную историю» даже в собственном языковом пространстве, не говоря уже о международных масштабах. Поэтому все чаще речь заходит о центробежных тенденциях развития этой дисциплины (Коска, 1977, S.95; Mommsen, 1981, S.178). Ведет ли постепенно возрастающий эмпиризм социальной истории и набирающая силу специализация методов к такой разнородности, что под угрозой окажется возможность внутрицеховых обсуждений? По моему убеждению, этого не произойдет, если при прогрессирующем разделении труда ученых по тематическим направлениям одновременно будут нарастать усилия по выработке социальной теории как общей основы эмпирических исследований. Сопоставимость отдельных эмпирических исследований в наибольшей степени зависит от господствующих в настоящее время подходов к объектам исследования, а следовательно, от социальной теории, которой они явно или неявно руководствуются. Именно в социальной теории, формирующей концепции «общества», «класса» и «слоя», «субъекта» и «актера», «структуры» и «практики», «экономического», «социального», «культурного» и т.д. – ключ к решению проблемы целостности современной и будущей социальной истории.

От того, с какой степенью точности социальная история определяет свои основные понятия и систематически соотносит их друг с другом, как она формулирует проблемы и насколько критически оценивает соотношение между приводимыми ею данными и интерпретациями, зависит успешность процесса становления ее как исторической социальной науки. Если, со своей стороны, социология, культурантропология, этнология, политология и другие гуманитарные науки при разработке своих теорий будут учитывать исторический характер своих объектов исследования, различия между ними и социальной историей станут и далее уменьшаться. Результатом стирания этих различий явилось бы возникновение высокоспециализированной и в то же время в целом высокоинтегрированной «исторической социальной науки», способной интерпретировать, систематизировать, квантифицировать, рассказывать и объяснять (Rüsen, 1987). Иначе говоря, эта наука не догматизировала бы какой-либо один из указанных подходов, а выбирала бы методы и характер изложения, соответствующие поставленной проблеме. Сказанное не означает, что под защиту берется старое представление историзма об одной истории. Напротив, именно плюрализм возможных перспектив, которые должны отстоять себя в плодотворных спорах внутри интегрированной исторической социальной науки, делает ее по-настоящему научной. Это, разумеется, не отрицает необходимости специализации и разделения труда. Но грани между объектами исследования не должны далее оставаться границами для мышления.

ЛИТЕРАТУРА

- Вебер М.** Объективность социально-научного и социально-политического познания. В: Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990, с.345–415.
- Маркс К.** Немецкая идеология. [1845/1846]. В: К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. 2-е изд. М., 1956, т.3, с.7–544.
- Asendorf M. (Hg.).** Aus der Aufklärung in die permanente Restauration. Geschichtswissenschaft in Deutschland. Hamburg, 1974.
- Below G., von.** Rezension von Karl Lamprecht «Deutsche Geschichte» // Historische Zeitschrift, 1893, Bd.71, S.465–498.
- Below G., von.** Zur Würdigung der historischen Schule der Nationalökonomie // Zeitschrift für Sozialwissenschaft, 1904, Bd.7, H.3, S.145–185.
- Below G., von.** Die Deutsche Geschichtsschreibung von den Befreiungskriegen bis zu unseren Tagen. Geschichte und Kulturgeschichte. Leipzig, 1916.
- Below G., von.** Probleme der Wirtschaftsgeschichte. Eine Einführung in das Studium der Wirtschaftsgeschichte. Tübingen, 1926.
- Bock G.** Historische Frauenforschung: Fragestellungen und Perspektiven. In: Hausen K. (Hg.). Frauen suchen ihre Geschichte. München, 1983, S.22–60.
- Bock G.** Geschichte, Frauengeschichte, Geschlechtergeschichte // Geschichte und Gesellschaft, 1988, Bd.14, S.364–391.
- Braudel F.** La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. 2 vols. Paris: A.Colin, 1949.
- Breysig K.** Die Geschichte der Seele. Breslau 1931.
- Breysig K.** Die Macht des Gedankens in der Geschichte. In: Auseinandersetzung mit Marx und mit Hegel. Stuttgart und Berlin, 1926.
- Brunner O.** Das Burgenland. In: Volk und Reich. Politische Monatsschrift für das junge Deutschland. Beiheft 3, 1932, S.40–46.
- Brunner O.** Land und Herrschaft. 2. Aufl. Brünn u.a., 1942.
- Brunner O.** Sozialgeschichtliche Forschungsaufgaben, erörtert am Beispiel Niederösterreichs. In: Anzeiger der österreichischen Academie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse, Wien, 1948, Bd.23, S.355–362.
- Brunner O.** Neue Wege der Sozialgeschichte. Vorträge und Aufsätze. Göttingen, 1956.
- Brunner O.** Inneres Gefüge des Abendlandes. In: Historia Mundi, 1958, Bd.VI.
- Brunner O.** Inneres Gefüge des Abendlandes. Sozialgeschichte Europas im Mittelalter. Göttingen, 1978.
- Burckhardt J.** Die Kultur der Renaissance in Italien. Ein Versuch. 13. Aufl. 1922.
- Burckhardt J.** Kulturgeschichtliche Vorträge. Leipzig, 1929.
- Conze W.** Die Stellung der Sozialgeschichte in Forschung und Unterricht. // Geschichte in Forschung und Unterricht, 1952, Bd.3, S.648–657.
- Conze W.** Structurgeschichte des technisch-industriellen Zeitalters als Aufgabe für Forschung und Unterricht (Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen 66). Köln u.a., 1957.
- Conze W.** Sozialgeschichte. In: Die Religion in Geschichte und Gegenwart. Handwörterbuch für Theologie und Religionswissenschaft. Tübingen, 1962, Bd.6., 3. Aufl.
- Conze W.** Sozialgeschichte. In: H.-U. Wehler (Hg.). Moderne deutsche Sozialgeschichte. Köln und Berlin, 1966, S.19–26.
- Davis N.Z.** Gesellschaft und Geschlechter. In: Davis N.Z. Frauen und Gesellschaft am Beginn der Neuzeit. Berlin, 1986, S.117–132.
- Dopsch A.** Entstehung und Charakter des österreichischen Landrechtes. Wien, 1892.
- Dopsch A.** Die Kärnten-Krainer Frage und die Territorialpolitik der ersten Habsburger in Österreich. Wien, 1899.
- Dopsch A. (Hg.).** Forschungen zur inneren Geschichte Österreichs. 14 Hefte in 4 Bdn. Innsbruck, 1904–1920.

- Dopsch A.** Die historische Stellung der Deutschen in Böhmen. In: W.Volz (Hg.). Der ostdeutsche Volksboden, 1926, S.27 ff.
- Dopsch A.** Zur Methodologie der Wirtschaftsgeschichte. In: Dopsch A. Gesammelte Aufsätze. Bd.1: Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte des Mittelalters. Aalen, 1968 [1928], S.543–564.
- Ehmer J. und Müller A.** Sozialgeschichte in Österreich. Traditionen, Entwicklungstränge und Innovationspotential. In: J.Kocka (Hg.) Sozialgeschichte im internationalen Überblick. Ergebnisse und Tendenzen der Forschung. Darmstadt, 1989, S.109–140.
- Fellner G.** Ludo Moritz Hartmann und die österreichische Geschichtswissenschaft. Wien und Salzburg, 1985.
- Gerbel Ch. und Sieder R.** Erzählungen sind nicht nur «wahr». Abstraktionen, Typisierungen und Geltungsansprüche in Interviewtexten. In: G.Botz u.a. (Hg.). «Qualität und Quantität». Zur Praxis der Methoden der Historischen Sozialwissenschaft. Frankfurt am Main und New York, 1988, S.189–210.
- Ginzburg C.** Der Käse und die Würmer. Die Welt eines Mühlens um 1600. Frankfurt am Main, 1979.
- Ginzburg C. und Ponti C.** Was ist Mikrogeschichte? // Geschichtswerkstatt (Göttingen), 1985, Bd.6, S.48–52.
- Gothein E.** Die Renaissance in Suditalien. München und Leipzig, 1924 [1886], Bd.1.
- Gothein E.** Die Aufgaben der Kulturgeschichte. Leipzig, 1889.
- Gothein E.** Über einige soziologische Grundfragen (Erinnerungsgabe für Max Weber). München und Leipzig, 1923.
- Groh D.** Strukturgeschichte als «totale» Geschichte // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 1971, Bd. 58, S.289–322.
- Hausen K. (Hg.).** Frauen suchen ihre Geschichte. München, 1983.
- Heussi K.** Die Krisis des Historismus. Tübingen, 1932.
- Hintze O.** Über individualistische oder Geschichtsauffassung // Historische Zeitschrift, 1897, No.78, S.60ff.
- Huizinga J.** Über eine Formveränderung der Geschichte seit der Mitte des 19. Jahrhunderts. In: Huizinga J. Im Banne der Geschichte. 2. Aufl. Zürich und Brüssel, 1941, S.107ff.
- Iggers G.** Deutsche Geschichtswissenschaft. Eine Kritik der traditionellen Geschichtsauffassung von Herder bis zur Gegenwart. 3. Aufl. München, 1976.
- Imhof A.E.** Bevölkerungsgeschichte und Historische Demographie. In: R.Rurup (Hg.). Historische Sozialwissenschaft. Beiträge zur Einführung in die Forschungspraxis. Göttingen, 1977, S.16–58.
- Jutte R.** Zwischen Standestaat und Austrofaschismus. Der Beitrag von Otto Brunner zur Geschichtsschreibung // Jahrbuch des Instituts für deutsche Geschichte, 1984, Bd.13, S.237–262.
- Kocka J.** Socialgeschichte. In: Hans-Ulrich Wehler (Hg.). Moderne deutsche Socialgeschichte. Köln und Berlin, 1966.
- Kocka J. (Hg.).** Soziale Schichtung und Mobilität in Deutschland im 19. und 20. Jahrhundert // Geschichte und Gesellschaft, 1975, Bd.1, H.1.
- Kocka J.** Sozialgeschichte. Göttingen, 1977.
- Kocka J.** Klassengesellschaft im Krieg. Deutsche Sozialgeschichte, 1914–1918. 2. Aufl. Göttingen, 1978.
- Kocka J.** Zurück zur Erzählung? Plädoyer für historische Argumentation // Geschichte und Gesellschaft, 1984, Bd.10, S.395–408.
- Kocka J. (Hg.).** Bürgertum im 19. Jahrhundert. Deutschland im europäischen Vergleich. München, 1989.
- Kocka J.** Einleitung. In: J.Kocka (Hg.). Sozialgeschichte im internationalen Überblick. Ergebnisse und Tendenzen der Forschung. Darmstadt, 1989.
- Lamprecht K.** Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft. Berlin, 1896.

- Lamprecht K.** Die kulturhistorische Methode. Berlin, 1900.
- Lamprecht K.** Moderne Geschichtswissenschaft. Fünf Vorträge. Freiburg i. Br., 1905.
- Lamprecht K.** Beiträge zur Kultur- und Universalgeschichte. 7 Bde. Leipzig, 1916ff.
- Leopold von Ranke: One Hundred Years On.** The Centenary Conference at Syracuse, USA // Storia della Storiografia. Rivista Internazionale, 1987, v.12, p.137–147.
- Ludtke A.** Einleitung. Was ist und wer treibt Alltagsgeschichte? In: Ludtke A. (Hg.). Alltagsgeschichte. Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen. Frankfurt am Main und New York, 1989, S.9–47.
- Ludtke A. (Hg.).** Alltagsgeschichte. Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen. Frankfurt am Main und New York, 1989, S.48–84.
- Medick H.** «Missionäre im Ruderboot»? Ethnologische Erkenntnisweisen als Herausforderung an die Sozialgeschichte // Geschichte und Gesellschaft, 1984, Bd.10, S.295–319.
- Mitterauer M. und Sieder R. (Hg.).** Historische Familienforschung. Frankfurt am Main, 1982.
- Mommsen W.J.** Die Geschichtswissenschaft jenseits des Historismus. Düsseldorf, 1971.
- Mommsen W.J.** Gegenwärtige Tendenzen in der Geschichtsschreibung der Bundesrepublik // Geschichte und Gesellschaft, 1981, Bd.7, S.149–188.
- Mommsen W.J.** Geschichte als Historische Sozialwissenschaft. In: P.Rossi (Hg.). Theorie der modernen Geschichtsschreibung. Frankfurt am Main, 1987, S.107–146.
- Mooser J.** Arbeiterleben in Deutschland 1900–1970. Klassenlagen, Kultur und Politik. Frankfurt am Main, 1984.
- Mooser J.** Wirtschafts- und Sozialgeschichte, Historische Sozialwissenschaft, Gesellschaftsgeschichte. In: R. van Dulmen (Hg.). Das Fischer Lexicon Geschichte. Frankfurt am Main, 1990, S.86–101.
- Östreich G.** Die Fachhistorie und die Anfänge der sozialgeschichtlichen Forschung in Deutschland // Historische Zeitschrift, 1969, Bd.208, S.320 ff.
- Reulecke J.** Geschichte der Urbanisierung in Deutschland. Frankfurt am Main, 1983.
- Ritter G.A.** Die neuere Sozialgeschichte in der Bundesrepublik Deutschland. In: J.Kocka (Hg.). Sozialgeschichte im internationalen Überblick. Ergebnisse und Tendenzen der Forschung. Darmstadt, 1989, S.19–88.
- Rosenberg H.** Deutsche Agrargeschichte in alter und neuer Sicht. In: Rosenberg H. Probleme der deutschen Sozialgeschichte. Frankfurt am Main, 1969.
- Rüsen J.** Narrativität und Modernität in der Geschichtswissenschaft. In: P.Rossi (Hg.). Theorie der modernen Geschichtsschreibung. Frankfurt am Main, 1987, S.230–237.
- Sabeian D.** Power in the Blood. Village Discourse in Early Modern Germany. Cambridge, 1985.
- Schieder Th.** Structures und Persönlichkeiten in der Geschichte. In: Schieder Th. Geschichte als Wissenschaft. Eine Einführung. [1965]. 2. Aufl. München und Wien, 1968, S.157–194.
- Schorn-Schutte L.** Karl Lamprecht, Kulturgeschichtsschreibung zwischen Wissenschaft und Politik. Göttingen, 1984.
- Schmoller G.** Allgemeine Volkswirtschaftslehre. 2 Bde., 2. Aufl. Leipzig 1923.
- Sieder R.** Geschichten erzählen und Wissenschaft treiben. In: G.Botz und J.Weidenholzer (Hg.). Mündliche Geschichte und Arbeiterbewegung. Eine Einführung in Arbeitsweisen und Themenbereiche der Geschichte «geschichtsloser» Sozialgruppen. Wien und Köln, 1984, S.203–231.
- Sieder R.** Sozialgeschichte der Familie. Frankfurt am Main, 1987.
- Wehler H.-U.** Geschichte als Historische Sozialwissenschaft. Frankfurt am Main, 1973.
- Wehler H.-U.** Modernisierungstheorie und Geschichte. Göttingen, 1975.
- Zorn W.** «Volkswirtschaft und Kulturgeschichte» und «Sozial- und Wirtschaftsgeschichte». Zwei Zeitschriften in der Vorgeschichte der VSWG, 1863–1900 // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 1985, Bd.72, S.457–475.